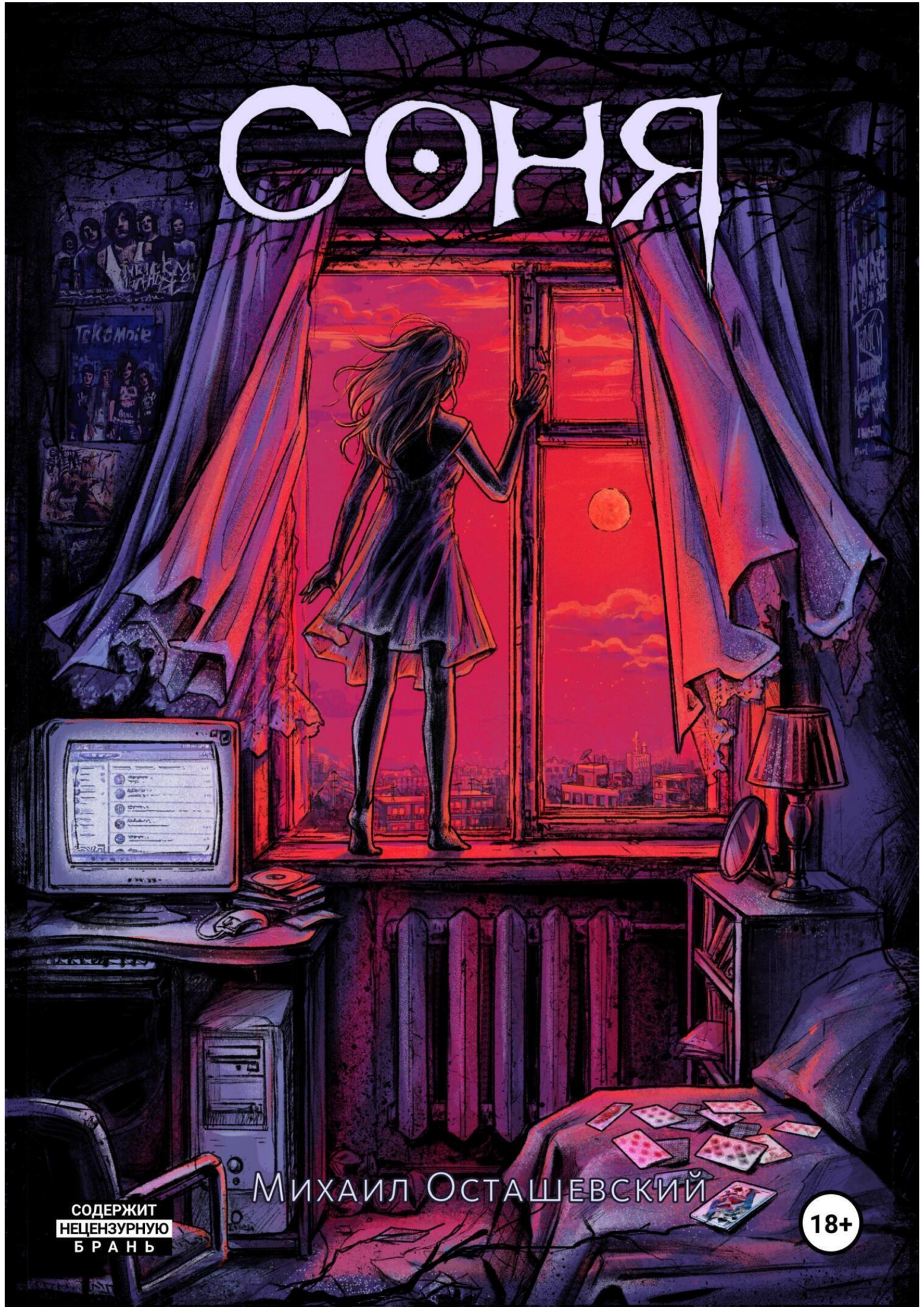

СОНЯ

МИХАИЛ ОСТАШЕВСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Осташевский
Соня

«Автор»

2023

Осташевский М.

Соня / М. Осташевский — «Автор», 2023

Соня выглядит как самый обычный подросток, рисует стрелки, слушает Suicide Silence и вместе со всеми стоит в очереди за сигаретами после уроков. Только вот дома её ждут вечно ругающиеся родители и таблетки, что помогают не слышать голоса в голове. А ещё Соня гадает на картах, и у неё даже есть вполне настоящий друг... Правда, и с ним всё не так просто. Что хуже, дневная реальность, в которой она "психичка" и изгой в школе, или кошмарные сны, преследующие девушку каждую ночь?

Содержание

1. 16 мая 2013 года	5
2. 17 мая 2013 года	14
3. 18 мая 2013 года	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Осташевский

Соня

1. 16 мая 2013 года

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от остальных. Мама уже ушла на работу, папаши тоже, слава богу, не слышно – либо еще спит, либо свалил. Соня любила просыпаться в тишине, без криков и ссор. До школы было ещё около часа, поэтому она неторопливо встала, надела тапочки с помпонами в виде головы маленькой кошечки и пошла на кухню, оставив включаться старый ноутбук. Как и всегда, на столе стоял уже остывший завтрак, но Соня на него даже не взглянула. Уже больше года она не могла нормально есть, особенно утром, любой кусок вызывал тошноту. Соня поставила чайник на плиту и зажгла конфорку электрической зажигалкой. Таблетки уже лежали на столе около тарелки. Чай и таблетки – идеальный завтрак, но не сегодня.

В последнее время «Кветиапин» неплохо помогал. Ушли кошмары, пропала дезориентация, в целом стало спокойнее. Один из побочных эффектов, на который она не рассчитывала: голоса, с которыми она «разговаривала» последние три года, затухли, остались лишь очертания, эхо. Но больше пострадал организм. Практически любая еда вызывала тошноту и боли в животе. За год она похудела до тридцати восьми килограммов, что при ее росте, немногим более полутора метров, было довольно мало.

Неделю назад в тайне от всех она прекратила принимать таблетки. Было сложно, особенно первые дни, но бегать к унитазу после каждого кусочка еды ей надоело. Это было странно, но она чувствовала, что соскучилась по голосам, и ей было что им рассказать.

С чашкой в одной руке и с таблетками в другой она вернулась в свою комнату. Ноутбук всё ещё грузился. Рядом с ним были разбросаны учебники и тетради, разрисованные крестами и пентаграммами. Соня села за стол, сгребла всё в кучу и нетерпеливо стала нажимать клавишу Enter в надежде, что ноутбук быстрее заработает. Но это не помогло.

Раздосадованно она махнула рукой и чуть не разлила чай, выругалась и начала среди кучи вещей искать школьный дневник. Открыла посмотреть:

Алгебра – ненавижу
Русский язык – ненавижу
Литература – ненавижу
ОБЖ – ненавижу
История
Химия – ненавижу

Вслух прокляв каждый из предметов, Соня швырнула дневник в портфель и стала искать нужные учебники. Если бы не сумасшедшая училка по истории, то может быть она смогла бы назвать её любимым предметом. Литературу можно не брать, Миша поделится. К чёрту эту учёбу. Ещё пару дней и выходные, а затем и каникулы. Больших планов она не строила, но как минимум больше никаких знакомых лиц.

Наконец загрузился ноутбук, и Соня тут же забила пальцами по клавиатуре в поиске любимой музыки. Да, песни про смерть и кровь были у нее в приоритете. Но она могла их слушать, только когда родителей не было дома. Мать не понимала ни слова, но словно догадывалась о содержании и начинала молиться, будучи неверующей, а у отца наливались кровью глаза, и он начинал наказывать Соню за то, что она слушает музыку «сатанистов». Один раз даже дошло до того, что папаша схватил ноутбук и кинул его в стену. Тогда визжали все: Соня от того, что больше не сможет сидеть во «Вконтакте», её мать – от того, что снова получила по

лицу, а сам отец громко проклинал музыку. Соня пыталась его остановить, висела на руках, царапалась и кусала, но ничего не помогло, ноутбук всё равно полетел в стену. Чудом он выжил, но с тех пор через весь экран проходила трещина, а крышка не закрывалась.

Музыка заиграла, чай остывал, а таблетки полетели в боковой отсек рюкзака. Соня выбрасывала их в школе, боялась, что дома найдет мать. Заиграла группа Suicide Silence, настало время собираться. Перед зеркалом появилась симпатичная девчушка пятнадцати с половиной лет. Впалые из-за худобы щеки, обсыпанные небольшими прыщиками из-за неправильного питания, стали покрываться плотным слоем тонального крема. Вчерашние стрелки, которое ей было лень смывать перед сном, слегка размазались, но ведь не просто так существуют ватные диски? Намочив слюной один из них, Соня наспех подтёрла разводы и карандашом нарисовала новые. Вроде неплохо. Длинные белоснежные волосы (кто-то в школе смеялся над ней и называл седой, более умные – альбиносом) она завязала в хвост. Так было удобнее прятать их под капюшоном. Соне очень нравились ее волосы, несмотря на всевозможные насмешки. Конечно, их состояние было не в самом лучшем виде из-за постоянного окрашивания. Кончики нещадно секлись, а по утрам волос на расческе оставалось столько, что можно было набить ими небольшую игрушку.

Да, она выделялась среди своих одноклассников. Ходила вся в черном, мало с кем разговаривала, плохо училась, сидела на переменах одна в углу рекреации и слушала «сатанистскую» музыку. Всё это началось после неожиданных обстоятельств, и она превратилась в изгоя класса, а потом и всей школы. Мелкотня подходила к ней на переменах, показывала пальцем, кривлялась, кричала, что она «психичка» (и это ещё самые «добрые» слова), и убегала. И так почти каждый божий день.

В восьмом классе Соня была ещё «нормальной», а одноклассники не такие злые. Всё началось после очередного домашнего скандала утром. Отец снова орал на мать. Никто уже не помнил из-за чего, но ему и не нужен бы повод. Свою порцию подзатыльников успела получить и Соня. Накануне вечером, у неё поднялась небольшая температура, и она планировала отлежаться дома, но оставаться с отцом наедине не было никакого желания, поэтому собрала вещи и больная пошла на учёбу. Первые несколько уроков прошли ещё ничего, но после четвертого началась паническая атака. У Сони закружилась голова, катастрофически не хватало воздуха. Впервые она почувствовала, что такое деперсонализация. Первым пропало осязание. Приподняв руки над партой, она попробовала повертеть кистями, но они начали вертеться в другую сторону, словно кто-то ими управлял вместо неё. Пальцы были ватными и не сгибались. Шум класса стал подавляться странным хором, сливающийся в голос страданий, идущий откуда-то изнутри головы. Под конец урока она потеряла сознание и стукнулась носом об стол. Очнулась и увидела, что бордовыми каплями заливают тетрадку. Она сидела одна за последней партой, поэтому никто не заметил ее приступа.

Никто, кроме учителя.

– Соня, с тобой всё в порядке? Ты чего улеглась?

Весь класс дружно повернул голову, Соня не реагировала.

– Соня??? А ну немедленно подними голову с парты, что за неуважение?

Саша, мальчик, который сидел перед ней, хотел похлопать её по плечу, но вдруг кое-что заметил и побледнел.

– Надежда Петровна! Кажется, у неё... Кажется, у неё тут кровь!

Весь класс начал переглядываться и шептаться.

– А ну тихо! Обухов, что это ты придумываешь?

Надежда Петровна уже давно была немолода, шестой десяток разменяла четыре года назад. Ей бы уже на пенсию, но она считала своим долгом учить детей обществу до того момента, пока не перестанет ходить. Она смело рассказывала об этом всем подряд, а отпетые двоечники в тайне мечтали переломать ей ноги. Учительница, пробираясь сквозь парты, уже

успела прокрутить в голове тысячу вариантов последствий. Первое, о чем, естественно, она подумала, так это о своей репутации. Где это видано, чтобы на уроке Захаровой Надежды Петровны ребенок лежал в крови на парте. Когда она подошла, один из одноклассников Сони уже втихаря снимал всё на телефон.

– Сонечка, с тобой всё в порядке? – Надежда Петровна приподняла её руку, которая закрывала лицо, и увидела перепачканную в крови тетрадь.

– Саша! Нет, не ты. Издемирова! Бегом за врачом. Все остальные – вон из класса. Вещи собрали и вон! Ей нужен воздух, Вадим, открой окно!

Класс зашевелился. Кто-то радостно вертелся, кто-то, бурча, собирал портфель. Наконец, все вышли из душного, как показалось Надежде Петровне, помещения. Через несколько минут прибежала медсестра с небольшим чемоданчиком. Соня уже пришла в себя и плакала.

– Тише, дорогая. Не волнуйся, сейчас придет врач, и всё будет хорошо, – пыталась успокоить девочку учительница.

Это не помогало. От её слов Соня стала реветь ещё больше. Кровь размазалась по всему лицу и рукам, испачкала белую кофту. Даже на, тогда ещё темных, волосах были небольшие красные капли. Симптомы почти кончились, остался неизведанный страх и голоса, будто знакомые, но сильно искажённые. Слов до сих пор было не разобрать.

– Надя, что с ней? – спросила медсестра Марина.

– Я не знаю. Сидела, сидела, а потом просто свалилась на парту без сознания.

Медсестра открыла чемодан, достала ватку и бутылочку нашатыря, на всякий случай.

– Саша, не уходи. В дальнем шкафу нижний ящик. Там, посмотри, внизу лежат полотенца. Дай мне одно.

Пока медсестра аккуратно вытирала лицо Соне, Саша, недовольно цокнув, злая, пошла к шкафу. Открыла первый шкафчик – одни книги. Второй – тоже самое. В оставшихся двух, помимо всяких учебников, стояли несколько бутылок вина и коньяка.

– Надежда Петровна, тут ничего нет.

Учительница обернулась и охнула, увидев, в какой ящик залезла Саша.

– Ты не тот ящик открыла! Я же сказала, в том шкафчике, на котором стоит Конституция!

– Вы про нее ничего не говорили, только сказали, что шкаф в углу, – обиженно сказала Саша.

– Ты опять ни черта не слушаешь! Всё, не мешайся под ногами, свободна!

Саша закинула учебники в сумку и, громко топая, вышла из класса, не забыв хлопнуть дверью. Надежда Петровна сама достала несколько полотенец, намочила их теплой водой и вернулась к Соне.

– Надя, ты чего так с ней? Из-за бутылок что ли?

– Говорила же, давайте в учительской их оставим, зачем у меня хранить, тем более Восьмое марта только через месяц. А она разболтает сейчас всем. Я же вижу, кем она растет. Будущая проשמандовка. Четырнадцать лет, а уже одевается как шлюха. Ты на эти стрелки посмотри – ужас! В наше время за такое бы высекли и заставили всё это смывать. Она главная сплетница в этом гребанном восьмом «Г» классе. Не просто так он под такой буквой. Она и её подружка Лера Смирнова. Помяни мое слово, они что-нибудь точно учудят, не сейчас, так через год или два.

Выдавая эту гневную тираду, Надежда Петровна протирала лицо Сони от крови и как будто не осознавала, что та её прекрасно слышит.

– Соня, мне нужен телефон твоей матери или отца. Я же вижу, что ты себя плохо чувствуешь, тебе надо домой и вызвать врача. Как у неё с давлением, Марин?

– Пониженное, причем слишком. Может, скорую?

– Не надо из мухи слона делать. Наверное, на погоду такая реакция, я себя тоже не очень хорошо чувствую.

– Но у неё ещё и температура.

– Я уверена, что врач, которого вызовет её мать, во всём разберется без нас. Соня, ты скажешь номер или нет? – процедила сквозь зубы учительница.

Соня молча полезла в портфель за телефоном. Она не помнила номер мамы наизусть, но нашла в контактах номер и вялыми пальцами нажала кнопку вызова. Учительница нетерпеливо вырвала телефон у неё из рук.

– Как твою маму зовут? – прошептала Надежда Петровна. – Алло, здравствуйте. Нет, нет, это не Соня. Я учительница по обществознанию, Надежда Петровна. Нет, совсем не поэтому. Ваша дочь заболела, и мы бы хотели, чтобы вы забрали её домой. Нет, не можем. Я не возьму на себя такую ответственность. Нет, одну мы её никуда не отпустим, пока не кончатся уроки по расписанию. Она будет вас ждать в кабинете медсестры. Да, хорошо, ждём.

Надежда Петровна вернула телефон обратно Соне.

– Соня, идти сама сможешь? Тебе уже полегче?

Соня неуверенно кивнула.

– Тогда пойдешь умойся, потом медсестра поможет тебе дойти до её кабинета. Нет-нет, тетрадь оставь. Я сама всё уберу.

Соня встала и медленно пошла к раковине. Из небольшого зеркала на неё смотрело худое, бледное лицо с красными глазами и торчащими из носа ватками. Соня включила воду и вытерла остатки крови с аккуратного носика и щек. Попыталась убрать пятна с кофты, но лишь размазала их.

– Твой портфель принесут, за него не переживай.

Медсестра взяла Соню под руку, и они неторопливо вышли из класса. В коридоре уже столпилось несколько десятков школьников. У кого-то тут был следующий урок, а кто-то просто хотел посмотреть на Соню. Слух о том, что девочка из восьмого класса потеряла сознание и истекала кровью, облетел всю Сокиловскую школу за одну лишь перемену. Исподтишка на неё были направлены несколько телефонов. Соня, как могла, прикрывала размазанные капли крови, но дети всё равно нагло пялились на неё, рассматривали в упор. Большинство почему-то посмеивалось над ней. Она видела каждую ухмылку на их лицах, слышала каждый шепот.

Вдруг шепот стал громче, от чего резко заболела голова. Она слышала, как кто-то называл её больной или помешанной. Голоса становились громче, ей уже казалось, что все смеются над ней. Соня не выдержала и закричала.

– Хватит на меня смотреть, заткнитесь!

Тишина. Несколько секунд стояла полная тишина, пока откуда-то слева не раздался легкий смешок. Потом не только слева, но и сзади, спереди – со всех сторон. От обиды Соня заплакала и побежала вперед, расталкивая оказавшихся на пути пятиклассников. Кто-то поставил ей подножку, и она больно упала на колени. Громкий смех звучал со всех сторон, ей казалось, что и медсестра хохочет, показывая на неё пальцем. Соня свернулась калачиком посередине коридора и рыдала от боли, но больше от обиды.

Внезапно прозвенел спасительный звонок. Школьники расходились по кабинетам, оставив Соню одну. Это было первое явное проявление болезни и впоследствии далеко не последнее.

В комнате Сони был сильный беспорядок. Голоса, которые уже пару месяцев не появлялись в голове, говорили ей, что «хаос главенствует над всем» и что «опускаться до уборки комнаты – это грех». Так, по крайней мере, она рассказывала маме, что бы та её не трогала по пустякам. Первое время Соня не понимала и боялась голосов. Сперва он был один. «Матушка» появилась через несколько лет после смерти сестры. Она была женщина яростной и строгой. Именно она принимала на себя удары отца Сони. Тот, когда был пьяным, считал, что ремень – лучший способ воспитания девочек. Позже, когда Соня увлеклась гаданием на картах, появился голос мальчика-подростка. Поначалу он шептал что-то непонятное при раскладах,

потом окреп, нахватался плохих слов и выкрикивал их невпопад. Спустя время Соня начала понимать, что он хочет сказать. Тогда он стал ещё одним полноценным жителем её головы.

Под столом валялись пустые банки из-под энергетиков. Врачи запрещали ей их пить, тем более с таблетками, но Соня нравилась эта «игра со смертью». Так тоже говорил голос. Над кроватью висели постеры Bring Me The Horizon и Suicide Silence. Особенно выделялся здоровенный плакат ныне покойного Митча «Удачливого». Он был обклеен самодельными розовыми и чёрными сердечками из бумаги. Ох, сколько же слёз и крови она пролила, когда узнала, что он разбился на мотоцикле, – и это в её день рождения!

На стене висела запылившаяся скрипка. Много лет назад на ней играла сестра. Хорошо играла, Соне нравилось слушать, как она наигрывает мелодии из фильмов. После смерти старшенькой скрипку закрепили на стене и строго-настрого запретили к ней прикасаться. Соня бросила на неё недоверчивый взгляд. Когда никого не было дома, она иногда снимала её с места и пробовала что-то наигрывать на манер сестры. Сейчас же она не была уверена, что осталась дома одна, поэтому оставила эту идею.

В школу идти не хотелось. Последние два года она по-настоящему её ненавидела. Прошлой зимой, Матушка требовала «сжечь к чертям собачьим эту школу», но после приёма мощных порций таблеток она утихла на пару недель. Голоса не любили пропадать, а Соне нужен был контроль над ними. Так и договорились: голоса не лезут в реальную жизнь, а она не пичкает их таблетками. Договор был нарушен на следующий день, и Соне пришлось пропить половину курса «Кветиапина».

Соня потянулась, сделала глоток горячего чая и пошла собираться. Школьный дресс-код её изрядно раздражал, и она, конечно же, его не соблюдала. Анархия – мать порядка. Ей не нравились белые блузки, вообще все белые вещи. В памяти очень плотно отложился момент, когда она судорожно пыталась оттереть с белой школьной блузки капли крови.

Чёрные кеды, чёрные джинсы и чёрная толстовка. В основном в школе мало кто соблюдал дресс-код, но почему-то замечания от заведующей по воспитательной работе получала только она.

– Неужели тебе нравится в этом шляться? Это ничуть не похоже на школьную форму. Ты хочешь, чтобы я снова вызвала твоих родителей в школу? – ругалась она.

Соня помнила, чем кончился последний вызов отца. Мать не смогла прийти из-за работы. Несколько очередных красных пятен на лице от ударов были ещё цветочками, поэтому она смело ответила:

– А вызывайте! Я в школу прихожу учиться, какая разница, в чём?

– Не дерзи мне, девочка! Есть устав школы, который обязаны соблюдать все ученики.

– Мне наплевать на ваш устав, да и на вас тоже. Если у вас больше нет ко мне вопросов, то мне пора на урок.

Под ошарашенный взгляд заведующей Соня развернулась и поспешила в класс. Так окончилась их последняя очная встреча. Родителей в школу, кстати, так и не вызвали.

На улице было тепло. Середина мая, солнечное утро. Закинув рюкзак за плечи, Соня вставила наушники в уши и вышла из квартиры. На лифте с девятого на второй. В одном из почтовых ящиков Соня хранила пачку сигарет. Она была уверена, что родители вряд ли одобряют её привычку, и, чтобы избежать новых побоев, не приносила их домой. Синяя пачка «Бурана» была практически пуста, а родители ей денег на обед не оставили. Она решила сэкономить и выкурила только одну сигарету вместо двух.

Школа находилась в пяти минутах ходьбы. До первого урока осталось двадцать минут. Алгебра.

Молодая учительница алгебры Ольга Владимировна, одна из первых заметила странное поведение Сони. Непонятное бормотание, пристальный взгляд на место, где и смотреть-то было не на что. Именно она и посоветовала родителям отправить Соню на осмотр к врачу.

Мама Сони долго не верила, что у дочери могут быть какие-то расстройства, и не решалась отправить дочь в клинику, ссылаясь на переходный возраст, пока не произошёл неприятный случай. Как пыталась объяснить Соня: «Я просто пыталась удалить наклейки с дневника. Меня завуч заставила, а в интернете писали, что лучше всего получится бритвой. Так я и порезалась». Но даже свято верующая в здоровье своего ребёнка мать засомневалась. Врачи поставили неутешительный диагноз – шизофрения.

Соня любила пораньше приходиться в школу, чтобы её не трогали дежурные из старших классов, которые на входе ловили детей без сменки. Иногда приходилось появляться уже после звонка, когда дежурных не было, всё равно учителя редко обращали внимания, когда она опаздывала. Они вообще старались не иметь с ней дел.

Дым от сигарет сладко наполнял лёгкие. Она не курила целых полдня. Ей снова вспомнился разговор с её новым приятелем Мишей. Так странно, они учились в одном классе, но до этого никогда друг друга не замечали. После весенних каникул их класс повезли на экскурсию в Выборг – древний город на берегу Финского залива. Обычно Соня не ездила на такие мероприятия, но в этот раз всё удачно совпало, и у родителей нашлись деньги. Она опаздывала, и, когда прибежала к автобусу, все места были уже заняты, кроме одного. Миша сидел и уплетал бутерброды с сыром, которые сделала для него мать. Он был из бедной деревенской семьи, которая жила в нескольких километрах от Сокиловки, на местном болоте. Поговаривали, что их деревню основали ещё до Санкт-Петербурга. Они проболтали всю дорогу, потом ещё месяц по переписке, а вчера после уроков он пригласил её к себе в гости в деревню. Соня никогда не была в гостях у мальчиков (не считая дня рождения Стаса Шаповалова в третьем классе) и немного растерялась.

– А что мы будем делать?

– Ты же говорила, что умеешь гадать. Я бы хотел попробовать, мне никогда не гадали на картах!

Соня ответила, что не уверена и что ей надо подумать. На что Миша сказал, что у неё есть время до завтра. Он бы хотел пригласить её в пятницу после школы. Конечно, ей нравилось, что у неё появился ещё один человек, с которым она могла бы часто общаться, ведь Катя (её «лучшая», потому что единственная, подруга) после поступления в колледж отдалялась всё больше и больше. Но вот превращать общение во что-то большее ей не хотелось, он не привлекал её внешне. Хотя последнее время она стала замечать за собой, что ждёт от него сообщений.

«Матушка сейчас появится и расскажет», – уверяла себя Соня. Почти полгода голоса не давали о себе знать из-за таблеток. К тому же без маленького иуды с картами, делать было нечего. Со дня на день она ожидала их появления и очень надеялась, что они появятся до того, как придётся принимать решение.

До начала урока пять минут, а Миша опаздывал. Пришлось закурить ещё одну сигарету. Потом где-нибудь достанет. Математичка снова полезет докапываться. Почему им всем что-то надо от меня?

Зашла в школу одна. Охранник неодобрительно взглянул, но только хмыкнул. В класс она не пошла, захотелось в туалет. Мимо бегали и сустились дети, спешили на уроки. Время 9:04. Кто-то окликнул её, но она не обратила внимание. Молча прошла дальше, витая в своих мыслях.

В одной из кабинок на всю стену было написано маркером: «соня сумасшедшая», а снизу приписано: «шлюха». Приписка свежая, но её это не волновало. Она опустила стульчак, положила на него салфетки.

«Чистоплотность есть и у сумасшедших», – усмехнулась она.

В класс вошла в 9:13. Ольга Борисовна сделала вид, что не заметила, когда Соня на цыпочках пробиравалась сквозь ряды к своей парте. Села молча. Разложила учебники и стала рисовать на полях. Миша так и не появился.

На доске мелькали формулы, синусы и косинусы, тригонометрические функции. Да кому это понадобится после школы? Даже продавщицам в «Пятерочке» считать не надо, всё делает компьютер. Раскрашивать клеточки было куда интереснее.

«И долго ещё это будет продолжаться?» – буркнул голос как будто позади неё.

Соня дёрнулась и чуть не вскрикнула от неожиданности. Она успела забыть этот голос.

«Не волнуйся, матушка ещё не проснулась, мы с тобой одни», – ответил маленький иуда на её мысленный вопрос, – но это ненадолго. Значит, ты перестала пить таблетки?»

Соня кивнула. Парочка одноклассников стали подозрительно на неё посматривать.

«Как скоро она проснётся?» – спросила Соня у своего голоса.

«Это зависит от тебя. Я знаю, ты можешь нас частично блокировать, возможно, у тебя получится не дать ей проснуться?»

«Ты её боишься?»

«Ты же помнишь, она может меня подавлять, ненадолго, все же это неприятно, она сильнее меня. Видимо, маленького иуду ты кормишь меньше. Что у тебя случилось?»

«Вот он», – Соня достала телефон и открыла страничку Миши во «Вконтакте». Пришлось повозиться, с кнопочного телефона не так просто было войти в интернет.

«Что с ним не так? Я его помню, тихоня, ничем вроде людей не привлекал».

«Мы начали общаться».

Маленький иуда на время замолчал.

«Да, так бывают, девочки взрослеют, им нравятся мальчики».

«Нет, ты не так понял. Мне просто нравится с ним общаться, а он, кажется, хочет чего-то большего. Он пригласил меня в гости завтра после школы. И вообще, что с твоим голосом? Ты как будто повзрослел?»

«С моим голосом? – усмехнулся маленький иуда. – С твоим голосом. Это же ты нас слышишь. Видимо, ты можешь менять нас, хотя, уверяю, я все так же мечтаю, что когда-нибудь мне удастся сломать тебя и стать главным в этом теле. О, кстати, она тоже этого хочет, так что не перекармливай её».

«Кто упомянул Матушку всеу?» – из-за спины, только на этот раз с правой стороны, раздался суровый женский голос.

«Доброе утро, Матушка, – съязвила Соня, – как спалось?»

«Иди к чёрту!»

Матушка была не из тех, кто пожелает доброго дня. Но даже такая компания её очень радовала. Наконец их троица воссоединилась.

«Как ты всё это объяснишь? – Матушка была требовательной женщиной. Любое непослушание каралось долгими, нудными лекциями и нравоучениями. – Ты обещала нам, что не станешь пить таблетки»

«Тогда мне это было необходимо. Вы перешли грань, и я почувствовала, что надо вас немного утихомирить».

«На полгода?»

Соне показалось, что один глаз ненароком попытался перевести взгляд на календарь.

«Куда дальше. Но сейчас мне нужен ваш совет».

«Я его плохо помню, твоего друга, рассказывай с самого начала».

«Была экскурсия, мы поехали в Выборг, – второпях начала рассказывать Соня, – мест в автобусе почти не было, поэтому пришлось сесть рядом с ним. Мы разговорились, пару раз погуляли, а теперь он зовёт меня к себе»

Соне не хотелось подробно расписывать голосам последние два месяца жизни.

«Он же страшный, ты посмотри на него, какая же он тебе пара! – возмутилась Матушка. – Послушай меня, дорогуша, опытную женщину. Все эти поговорки про милых, про шалаш –

полный бред. Ты можешь с ним дружить, переписываться, но такие отношения точно не для тебя. Собралась нас всех в деревню сплавить?»

«Ты прекрасно знаешь, что ты тут ничего не решаешь».

«Зато я прекрасно знаю, как работает внушение, – усмехнулась Матушка, – поверь, даже карты тебе скажут, что это не твой вариант».

«Я ему рассказала... Он знает про карты. Не так много. Он просил погадать ему».

«Я думала, это один из тех секретов, которые уносят в могилу... – задумчиво проговорила Матушка. – Впрочем, это, возможно, к лучшему. Он захочет узнать, что скажут карты про ваше будущее, а там-то всё и вскроется».

«О чем ты?» – Матушка, слабо разбирающаяся даже в масти карт, очень удивила Соню.

«Я отсюда чувствую, с ним что-то не то, как будто его что-то м-м-м обволакивает, что-то вроде защиты. Карты либо не станут с ним говорить, либо специально скажут что-нибудь ужасное. Скажи, что я права, маленький иуда!»

«Они у тебя с собой?» – спросил маленький иуда.

«Да, всегда со мной, в портфеле».

«Доставай».

«Сейчас же урок, ты прекрасно знаешь, что в школе карты запрещены, их у меня просто заберут».

«Не парься, просто достань любую карту из колоды, подержи в руке и убери обратно, никто не заметит».

Соня посмотрела на учительницу. С доски уже исчезли тригонометрические функции. Теперь там были сложные уравнения. Класс активно готовился к сдаче ЕГЭ на следующий год. Все настолько были озабочены оценкой, даже учитель, что совсем не замечали, что происходит вокруг. Соня аккуратно полезла в портфель за колодой карт и спрятала их под партой. Девочка открыла пачку и ногтем подцепила карту из середины колоды. Вытащила. Валет Пик.

Класс померк. Перед глазами появилось небольшое чёрное озеро, посередине которого находился остров. Вокруг стояли высохшие деревья. За лысыми ветками просматривалось небольшая землянка, такая же чёрная и сгнившая, как и все вокруг. Дверь со скрипом открылась, и из дома вышла фигура в тёмном капюшоне. Неспешно человек пошёл в сторону маленькой пристани. Остановился, снял капюшон. На Соню посмотрело распухшее лицо утопленника. Усмехнувшись, фигура прыгнула в озеро, отчего по прежде гладкой воде пошли гигантские волны. Из волн вырос двенадцатиэтажный дом, над которым горела полная красная луна.

Видение отпустило. Соня пришла в себя и обнаружила, что весь класс пялится на неё с недовольной учительницей во главе. Кто-то ухмылялся.

Соня пробормотала извинения и скрылась за учебником в надежде, что про неё забудут.

«Никто не заметит, говоришь?!»

Голоса молчали.

«Эй, ну и куда вы пропали? Вы эту кашу заварили, теперь сами расхлёбывайте. Что сейчас произошло?»

«Ты немного... Пошумела?»

«Это то, о чем я и говорила. Даже карты против. Не знаю, что ты видела, маленький иуда мне не говорит. Но тебе явно было страшно».

«Что это было?»

«Будущее? Прошлое? Я не до конца понял. Думаю, карты явно дали понять, что согласиться на его предложение – плохая идея»

«Не тратить время на всяких слизняков, вот что сказали карты», – настаивала Матушка. Разбудила на свою голову, – буркнула Соня.

«Я всё слышала!»

«Я надеялась, что вы мне подскажете, что делать дальше, а вы за старое, только отговариваете. Когда вы наконец уже повзрослеете?»

Голоса замолчали. Тишина давила, на её фоне стал проявляться голос учителя, который объяснял формулы. Матушка наконец ответила ей:

«Ради твоего же блага, девочка. Когда я говорю “нет”, значит, так и надо поступать».

Иногда Соне казалась, что спорить – это то, ради чего она живёт. Всю жизнь она ни с кем не соглашалась ни по одному вопросу, даже будучи ребёнком, спорила со взрослыми. Частенько это плохо кончалось, что дома, что в школе. Но её забавляла эта игра. Сейчас она тоже решила остаться при своем. Завтра её ждала прогулка с одноклассником.

2. 17 мая 2013 года

Извилистая дорога шла через дремучий сосновый лес. Казалось, тут никогда не ступала нога человека. Да и дорогой это было назвать сложно. Две тропинки с торчащими с обеих сторон колючими кустами. Деревня была дальше, посреди огромного болота с многозначным названием Неодолимое. Неизвестно, что заставило людей селиться тут, но поговаривали, что на этих землях находилось языческое капище, ещё до прихода Рюрика на русские земли. Как только они перешли незримую границу леса, налетели тучи и закрыли солнце. Их встречали почерневшие засохшие деревья, стоящие в мутной воде. Дальше показался первый дом. Чёрные, сгнившие стены опасно наклонились, но что-то не давало дому упасть. Несмотря на это, из покосившейся трубы шёл дым. В нём кто-то жил.

– Неужели вы все так живёте?

Миша лишь развёл руки в стороны и промолчал.

– Ты уж извини, но тут жутко, – едва проговорила Соня, – мне тут не нравится.

– Мы почти пришли. Тут домов немного, может сорок, но половина нежилые...

Дальше дорога стала лучше, а луж меньше. За деревьями показались дома, такие же старые, как и первый. Казалось, тут всегда было сыро, и солнце никогда не проникало на эту землю. Перед домом стояла ржавая табличка «Забытое».

– Говорящее название... – прошептала Соня.

– Не думал, что тебя это так напугает. Я-то привык уже.

Справа за невысоким забором в огороде работала женщина. Скрючившись в три погибели, она копала землю и напевала неизвестную песню. Когда ребята прошли мимо, она обернулась и подозрительно на них посмотрела.

– Ты кого это к нам привёл, Мишка?

– Подруга моя, тётъ Тонь. Решил показать, – он обвел руками, – наши красоты.

– Тьфу ты, красоты. Иди лучше мамке помоги помидоры рассадить. Не успеете же, лето скоро. Я вас, тунейдцев, снова кормить не собираюсь!

Женщина что-то ещё буркнула и вернулась к работе. С неба упали несколько капель. Начинался дождь.

– Мы почти пришли Сонь, давай поспешим, пока не промокли.

Чем дальше они шли, тем сильнее становился дождь, и тем больше разрастались лужи. Некоторые были настолько велики, что их приходилось обходить по влажной траве. Кроссовки тут же промокли.

Дом Миши был предпоследним в деревне, дальше дорога упиралась в небольшое озеро, наполовину заросшее камышами. Кроме дождя, не было слышно ни звука. Миша распахнул калитку и поспешил открыть перед Соней дверь. В доме сыростью пахло ещё сильнее. Она и раньше замечала этот запах в школе, но не придавала ему значения, а теперь поняла, откуда он был. Соня слегка пригнулась, чтобы не удариться о низкий косяк, и вошла в комнату. По середине дома стояла большая печка, в которой потрескивал огонь. Дальше находилась кухня и две двери, видимо, в спальни.

– Ну вот тут мы и живём. – сообщил Миша.

Соня не спеша прошла в комнату. В дальнем углу стоял стол, на котором было несколько икон, они же висели и над ним. Рядом горело несколько свечек.

– Мама верующая. – сказал Миша, заметив, куда смотрит девушка. – Тут все верующие, мама говорит, без Бога жить страшно.

– Ты тоже? – спросила Соня.

– Я не знаю... Мама учила меня молитвам, мы даже по воскресеньям ходили в церковь, но мне это не слишком интересно. Я скорее агностик. А ты?

– Нет. Я в эту чепуху не верю.

– Зря ты так, милочка, – из прихожей вышла полная невысокая женщина в резиновых сапогах и дождевике, – в нашей деревне без веры согнуть можно. Чертовщины тут конечно нет, но бережёного Бог бережёт, особенно, если ты читаешь молитвы.

– Мама, познакомься, это Соня. – перебил её парень.

– Городская, да? – женщина с прищуром посмотрела на неё. – А меня звать Галина Петровна.

– Я из Сокиловки. Так себе город.

– И как тебя угораздило согласиться прийти в такую глухомань. К нам даже лавка не каждую неделю приезжает. А тут целая девица. С приданным хоть? Женщина весело хохотнула. Я поставлю чайник, а вы проходите на кухню.

Миша аккуратно взял Соню под локоть и повёл за стол.

– Не обращай на неё внимание. – шепнул он. – У нас очень редко бывают гости.

– У нас тоже, – хмыкнула Соня.

– Я хотел спросить. Ты взяла карты?

– А ты всё-таки решился? – удивилась Соня. – Да, они здесь, но я не уверена, что они будут со мной сейчас говорить. Тут, – девушка поёжилась, – какая-то странная атмосфера.

Соне действительно было тут не по себе. Она до последнего не пускала в голову голоса, догадывалась, что они ей скажут. Она считала их отчасти интуицией, и в таком месте ничего хорошего от них ждать не приходилось.

– В твоей комнате нет икон?

– Нет.

– Хорошо, а свечки есть? Хватит и одной, но не оттуда, – она кивнула в сторону красного угла. – Нужны чистые, новые.

– Думаю есть.

– Хорошо, но не жди ничего хорошего. Карты разочаровывают.

– Я понимаю, но я хочу знать. Надоело сидеть в этой дыре.

Дождь за окном усиливался. Но вид из него был удивительно, нереально, даже страшно красивым. Соня никогда не видела такого сильного волнения на таких маленьких озёрах. Волны бились о небольшой причал. Ветер срывал камыши и разносил их по всему водоему, мертвые деревья у берега угрожающе качались из стороны в сторону, будто осуждая затею с картами. Присмотревшись, Соня разглядела едва различимую лодку прямо по центру озера за серой стеной из дождя. В ней сидела одинокая фигура в капюшоне и как будто бы смотрела прямо на неё. Встряхнув головой, она снова посмотрела в окно. Лодки как будто и не было. Её отвлек Миша.

– Мама приготовила чай, пойдём.

На столе стоял старинный самовар и всюду довольно свистел. Женщина разливала кипяток по чашкам, и в большой банке находилась зеленоватая жидкость.

– Мы не покупаем чай, делаем свой. Ещё моя прабабка занималась знахарством. Этот рецепт передавался поколения. Некоторые травы на болоте обладают лечебными свойствами. Возможно, на вкус он не такой приятный, но зато полезный, не то что эта химия из магазина.

– Ну мама, прекрати пугать Соню.

– Ничего, я никогда не пробовала домашних чаев, очень интересно, – улыбнулась Соня.

– К чаю, к сожалению, у нас ничего нет.

– О, мы купили печенья, – Соня полезла за рюкзаком и достала небольшой пакетик с овсяным печеньем, – нехорошо приходиться в гости без гостинцев, верно?

«Не пей эту отраву, ты что не видишь, что она ведьма?» – через барьер пробилась Матушка. Как бы сильно Соня ни старалась, заткнуть до конца её не получилось.

«Ты же знаешь уговор, не лезть в мою жизнь, когда я не одна».

«Ты тут без меня пропадаешь, посмотри куда ты себя привела, и не вздумай пить эту отраву, ты не знаешь, как она на тебя подействует, на нас!»

«Не пей, не пей!» – издали раздался голос маленького иуда.

Соня взяла кружку в руки и понюхала напиток. Он приятно пах травами, но после предупреждения Матушки стал отталкивать.

– Не бойся, ты попробуй, он очень вкусный, я сама собирала травы, мы его всю жизнь пьём, – мягко сказала мама Миши.

– А можно мне просто водички?

– Водички, так водички, – женщина недовольно встала из-за стола и зачерпнула металлическим ковшом из большого ведра.

– Вот, держи. – Галина Петровна со звоном поставила стакан перед Соней и немного разлила воду на стол.

«Ты ей не нравишься, будь начеку», – предупредила Матушка.

Несколько минут все сидели в тишине, ели печенье и запивали чаем. Все, кроме Сони.

– А ты чегой-то даже к печенью не притрагиваешься? – не выдержала мама Миши.

– Я не голодная.

В ответ женщина только хмыкнула. Миша поставил пустую чашку на стол и сообщил, что он покажет Соне остальную часть дома, и повёл её в свою комнату.

– Ты извини её. Сама понимаешь, старая закалка, советская ещё.

– Да всё нормально, Миш. Ты же знаешь, я привыкла.

Миша включил свет. Комнатка оказалась совсем маленькой. У окна стоял маленький стол, на нём – старый квадратный монитор. Напротив располагалась довольно узкая кровать, а в углу, ближе к двери, громоздкий старинный шкаф. Больше в комнате ничего не помещалось.

Миша застелил кровать колючим одеялом в клеточку и достал из шкафа две тоненькие церковные свечи.

– Хватит столько? – спросил он

– Хватит, если я не увижу, включим настольную лампу.

Соня поставила рюкзак на коленки и стала искать там упаковку с картами. Как только она взяла их в руки, раздался недовольный голос Матушки:

«Не трогай их, они не в духе!»

«Но он же просил, я обещала ему погадать»

«Не порти жизнь мальчонке, оставь колоду!»

«Слушай, я сама разберусь с этим!» – ответила ей Соня и как можно дальше запихнула голос.

С картами было по-другому. Они не говорили с ней, как голоса, лишь показывали образы. Сначала было сложно разбираться, но с этим ей помогал маленький иуда. Он тоже видел эти образы, так как был в её голове.

Миша зажёл свечи и нетерпеливо уселся напротив. По стёклам барабанил дождь, порой так громко, что они почти не слышали друг друга. Но приходилось говорить тихо, что бы их не застучала мать.

– Скажи, а ты когда-нибудь гадала на себя? Так вообще можно? – спросил Миша.

– Нежелательно, конечно. Сложно непредвзято смотреть на расклад. Ведь хочется, чтобы было всё хорошо.

– А было ли что-то такое... ну в общем...

– Да, я гадала на дату смерти, – улыбнулась Соня.

Миша в ответ охнул.

– И когда?

– В двадцать девять лет, так что ещё не скоро. Ты готов? – спросила Соня. Ей не хотелось обсуждать это.

– Да, я готов.

– Давай начнём с простого. Мне ничего вслух произносить сейчас не нужно, можем обсудить это потом. Загадай свой возраст, а мы посмотрим, как с тобой взаимодействуют карты. Готов?

– Да. – ответил парень и задумчиво поднял вверх голову.

Соня достала колоду из упаковки и стала их перемешивать.

«Матушка была права, карты очень недовольны, чувствуешь?» – голос маленького иуды слегка дрожал.

«Чувствую...»

«Думаю, ему не стоит спрашивать про будущее, карты могут и обмануть».

«Знаю, давай проверим».

Соня последний раз перемешала колоду и выложила на одеяло три карты: шесть бубей, пиковую девятку и девять бубей. В голове появился шум. Такого обычно не было.

«Может оставим это дело, а? Они отказываются разговаривать с тобой».

«Нет же, смотри, девять бубей, правду говорит».

«А рядом с чем они лежат?»

Соня посмотрела на соседнюю пиковую девятку и ахнула.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Миша.

– Ты точно свой возраст указал?

– Ну да, как ты и просила.

– Ладно, теперь загадай своё имя, попробуем ещё раз.

Соня выложила сверху ещё три карты: шесть крестей, дама крестей и червовую десятку. И снова ахнула.

«Ещё одна десятка, так ещё и на даме. Картам не нравится это место, точно говорю».

– Верить-нет, – сказала Соня, – но карты не сильно хотят с тобой говорить. Давай попробуем ещё пару раз, если так продолжится, то мы закончим, – Соня посмотрела на дверь, – возможно это из-за икон?

Миша пожал плечами.

– Давай следующий вопрос. Про себя.

Миша задумался, затем кивнул. Соня размешала карты и выложила три: первые две рубашкой вверх, последнюю вниз – шесть пик.

– Долгий путь, сложный путь, дальняя дорога. – Соня дословно повторяла то, что говорил маленький иуда, самой же ей на мгновение показалась трасса, вид из кабины грузовика от первого лица.

– Дальняя дорога? Это даже смешно.

– Смешно? А что ты спросил?

– Я спросил, где мой отец.

Соня удивлённо посмотрела на Мишу.

– Он ушёл, когда мне было пять или около того. Просто ушёл на работу и не вернулся. Я всегда думал, почему он так сделал. Была ли в этом моя вина, или же он просто не любил нас. Не знаю, просто хотел узнать, что с ним. Значит, дальняя дорога.

– Карты не всегда чётко дают ответы на вопросы, к тому же такие сложные.

– И тем не менее они дали ответ, мне, честно говоря, не по себе.

«Ты сама то хочешь знать, что с ним будет дальше? Ты же понимаешь, что, когда получишь ответы на его вопросы, тебе придётся жить с этим до конца жизни», – подал голос маленький иуда.

«Ты зачем меня провоцируешь, а?»

«Я же вижу, тебе он нравится, каково это, жить, зная, когда он умрёт?»

«Он ещё не спрашивал...»

«А ты думаешь, не спросит? Да даже если и не спросит, тебе карты всё равно это покажут. Расклад на будущее всегда заканчивается датой смерти».

«И что ты предлагаешь?»

«Заканчивай с этим, тебе пора домой».

– Слушай, Миш, боюсь, больше не получится. Я не знаю, я почти не чувствую карт. Это очень сильно выматывает, а тут... Тут странное место, карты беспокойны, непослушны, я не всегда понимаю, что они хотят сказать.

– Ты уверена? У меня не так много вопросов осталось, всего два.

– Скажи мне сразу какие, чтобы я могла сосредоточиться на конкретном ответе.

– Не могу, это личное... – Миша слегка покраснел.

– Тогда я не буду этого делать. Я очень устала, а гадать, в какую сторону карты клонят, мне не хочется. Ещё час обратно домой идти.

– Кстати, дождь почти кончился. Теперь мы точно успеем до темноты. Тебе обязательно нужно слышать эти вопросы?

– Точно, я без них просто ничего не пойму.

– Тогда я скажу только один, второй для меня более личный.

– Хорошо, мне даже лучше. – Соня улыбнулась.

– Я хотел, чтобы ты сделала расклад на нас с тобой.

Соня подняла голову и удивлённо посмотрела на Мишу.

– Нет-нет, ты не подумай. Просто мало ли что-то может получиться в будущем. Да и в целом, какое у нас будет общение.

«Ишь чего захотел мальчик, глаз на тебя положил, да ты посмотри на него, он тебя недостойн, деревенщина, живёт у мамы под юбкой. Тоже хочешь целыми днями копать картошку?»

«Я знаю, что у нас ничего не выйдет, но он же попросил».

«Да наплевать, что он там просит, у нас и так сил нет».

– Знаешь, мне нежелательно гадать на себя, это будет предвзято, я же говорила, так что давай твой второй вопрос. Можешь задать его про себя.

Соня перемешала колоду и выложила подряд три карты:

– Девять на шесть бубей.

«Покойничком скоро будет» – весело рассмеялся маленький иуда.

«А ты знаешь, на кого он?» – у Сони проснулся интерес.

«Сложно... Карты сегодня немногословны. Будто не хотят, чтобы мы знали».

Соня сделала грустное лицо и заговорщицки прошептала:

– Этот человек скоро умрёт таинственной смертью, – и зловеще засмеялась, изображая из себя колдунью.

Миша побледнел и чуть было не обмяк на стуле. Но промолчал. Соня продолжила, выкладывая карту за картой.

– Тяжелая болезнь вкупе с проблемами в семье. Возможно, карты хотят сказать, что у человека депрессия и его довели?

«Не придумывай ничего за меня, – хмыкнул маленький иуда, – хотя тут ты права, приблизительно, конечно».

– Давай не будем, – Миша наконец заговорил, – я уже не хочу знать, что будет дальше.

– Но это же весело, – лягнула Соня, не подумав. Но, увидев, как изменилось Мишино лицо, добавила.

– Ну, разумеется, когда это не касается смерти. Картам не всегда стоит верить. Особенно, когда гадаешь на такие жизненно важные вопросы. Кстати, интересно, кого это ты загадал?

– Извини, но это личное.

– Поня-я-ятно, – протянула Соня, и улыбка сошла с её лица, – не хочешь, не говори.

Дверь в комнату резко распахнулась, в комнату вошла Мама.

– Что это у вас такое?

– Да мы в карты играем, мам. – виновато ответил Миша.

Женщина бросила взгляд на карты, свечки и начала закипать.

– Вы что, гадаете? Да как ты посмела в моём доме заниматься такой чертовщиной? А ну вон отсюда! Ты кого мне привёл в дом?

Соня быстро собрала карты, положила в портфель и пошла к выходу. Дождь уже заканчивался, но всё равно ещё неприятно моросил.

– Ещё раз тебя тут увижу! – злобно произнесла тётя Галя. – А ты дома сиди, никуда не пойдешь!

– Мне нужно проводить её, пусти!

Мать перегородила Мише проход.

– Сама дойдёт, не маленькая!

– Да пусти же ты! – Миша отодвинул мать и прошёл в коридор надевать кроссовки.

– Сын называется, в отца весь пошёл, на мать руку поднимает! Домой можешь не возвращаться, проваливайте оба!

Соня с Мишей поскорее покинули дом и оказались на улице. Миша успел прихватить зонтик. Они стояли на дороге, ведущей к озеру. Соне показалось, что она снова кого-то увидела и пошла к берегу. Волн не было.

– Я не знаю, что на неё нашло. Прости пожалуйста, ты, наверное, не захочешь больше со мной общаться.

Соне было совсем не до этого. Она вошла на пристань и прищурила глаза. На той стороне она разглядела сосновый лес и непонятную фигуру. Соня моргнула и человек исчез.

– У вас кто-нибудь плавает в этом озере?

– Эмм... Нет, тут очень холодная вода из-за подземных ключей.

– А на лодке кто-то же ловит рыбу?

– Нет, тут никто не плавает, а почему ты спрашиваешь?

– Я видела лодку, когда смотрела из окна.

Миша побледнел.

– С человеком в капюшоне?

Соня обернулась и пристально посмотрела на Мишу. Тот выглядел испугано.

– Что на той стороне озера?

– Небольшой островок леса, а дальше болото. Тут оно везде.

– Там никто не живёт?

– Нет, там никого нет.

– А зачем тогда тут пристань? Рыбы нет, в округе никто не живёт.

Миша взял её за руку и повёл от озера.

– Давай я тебе расскажу, когда выйдем из деревни. Прошептал он.

– Ладно.

Соня высвободила руку и неспешно пошла по дороге. Чем ближе они подходили к краю деревни, тем слабее становился дождь. Они снова прошли мимо вывески «Забывтое», и дождь кончился. Дальше было сухо, как будто дождя и не было. Когда они подошли к лесу, как по щелчку, включились звуки. Если раньше на болоте была мёртвая тишина, только глухо раздавался хруст шагов по гравийке, теперь она услышала шум деревьев и пение птиц. Как будто жизнь вернулась в эти места.

– И всё-таки жуткое место твоя деревня.

– Наверное. Я привык, хотя иногда бывает страшно.

– Ты обещал рассказать, помнишь?

– Это всего лишь легенда, страшилка для детей.

– Я что-то слышала в детстве подобное. Расскажи! Не думала, что тебя это пугает.

– Да, немного. Признался Миша. Когда-то давно, жила в нашей деревне женщина. Говорили, что она ведуньей была, поклонялась старым языческим богам. Но люди её любили и уважали до поры до времени. К ней местные за советом ходили, но потом жуть в тех местах произошла, и с ней общаться перестали. Как-то раз, когда она рыбачила в лодке, началась гроза. Она и раньше ходила в грозу, говорила, что боги его защитят. Но в этот раз гроза была слишком сильной. Те, кто видели её, говорили, что на озере поднялись небывалой высоты волны и захлестнули женщину. Другие поговаривали, что она сама утопиться решила. Но ни её, ни лодку так и не нашли. Вскоре после её смерти стали замечать, что рыбы в озере всё меньше и меньше. А через пару лет совсем пропала. Народ у нас суеверный, начал придумывать чепуху всякую. Говорят, что если кто ведьму эту на озере увидит, скоро умрёт. Поэтому туда никто и не ходит. Боятся сказок.

– А ты её видел?

– Да, но давно ещё, в детстве, – Ответил Миша и поежился, – но чем старше становлюсь, тем больше кажется, что мне это просто показалось. Я провожу тебя до церкви, сама до дома дойдёшь?

– Дойду.

***

Миша проводил взглядом Соню и медленно пошёл мимо церкви по дороге обратно в лес. Когда он был помоложе, мать каждое воскресное утро таскала его с собой на скучные проповеди. Хочешь отбить у ребёнка тягу к Богу – води его на молитвы и заставляй почитать веру дома.

Уже в десять лет он возненавидел красный уголок гостинной и запах ладана на кухне, но церковь его хоть чему-то, но научила. Теперь вместо плоти и крови Христовой он иногда с пацанами закусывал сухариками вишневым «Блейзер».

А что? И то и другое хлеб. И то и другое красное и алкогольное.

Колокол пробил шесть. Конец рабочего дня у работяг. Миша уже начал присматривать колледж. Автомеханический был в приоритете. Можно было обучиться ремонту автомобилей и помогать на городской станции технического обслуживания – дядя Петя обещал взять.

Конечно, чинить фуры не самая завидная работа, но другой тут попросту нет, а мечтать о большом городе... Не может же он бросить мать одну в Богом забытой деревне. Миша иногда восторгался её упёртостью. На днях она подвернула ногу, но умудрилась с больной лодыжкой проковылять пять километров через лес, чтобы дойти до работы. В итоге, когда в пасмурное утро она не смогла встать, Мише удалось уговорить мать вызвать доктора и взять больничный. Буханка приехала только под вечер и застала женщину, стоящую раком, в огороде, половшую грядки. Такую оставлять одну нельзя. Случись что, сама себе она точно не поможет, как и Бог, на которого она ссылается из раза в раз.

Мимо проехал уазик соседа дяди Пети. Тот посигналил, приглашая подвезти, но Миша махнул ему рукой, мол, проезжай. Хотелось пройти одному.

Машина. О таком счастье он даже не мечтал. Помимо эротических фантазий, он часто представлял, как рассекает на уазике по дорогам, подбирает попутчиков и долго разговаривает с ними. Один раз дядя Петя дал ему посидеть за рулём, но Миша настолько переволновался, что так и не смог тронуться с места, путая очередность нажатия педалей.

Небо заволочла листва высочайших деревьев. Ни о каких расхваленных «белых ночах», уже начавшихся в Ленинградской области, тут и речи быть не могло. Тяжелые ветви настолько перекрывали свет, что даже днём тут были сумерки.

Миша хотел подумать о раскладе. Ему впервые в жизни гадали на картах, и он был так взволнован, что так и не смог чётко сформулировать вопросы. Всему виной была Соня. Он подозревал, что влюбился, поэтому её присутствие, а тем более наедине, вызвало робость и страх.

«Дальняя дорога», – Миша усмехнулся про себя. Отец действительно в один дождливый день «вышел за хлебом», когда Мише было около пяти лет, и не вернулся. Он знал, что тот жив. Отец иногда присылал ему дешёвые безделушки на день рождения. Поначалу Миша был в диком восторге, что отец помнит про него, но с годами подарки стали приходить реже, и любовь сменилась на ненависть.

Мише казалось, будто он проклят, всё, что ему было дорого, превращалось в предмет ненависти. Так было с отцом, с церковью, так, он боялся, будет и с Соней.

«Карта смерти». Ему не запомнился этот диалог, хоть он и был всего час назад. Мозг словно в принудительном порядке старался стереть слова – остался только их смысл. Миша лишь хотел узнать, что случится с Соней, куда заведёт её дорога, будет ли она с ним. Одно радует, что Соня уже гадала на свою смерть и что это точно случится не сегодня. Он не хотел себе в этом признаваться, но почувствовал облегчение, когда в комнату зашла мать и всё это прекратила.

«Гадание на картах – грех», – Миша уже знал, о чём будет домашний разговор, поэтому не спешил. Он делал это не на зло матери, просто ради собственного интереса, но пойти ей наперекор в вопросах, на которые у них расходилось мнение, доставляло ему удовольствие, особенно, когда ему удавалось уболтать её и вывести на эмоции. Раньше он бы заплатил за это хорошей порцией ремня, но сейчас мать уже не поднимала на него руку.

В раздумьях он прошёл мимо кладбища, на автомате обошёл гигантскую лужу и вышел к проеденной ржавчиной табличке «Забытое».

«Даже Бог забыл это место», – поговаривали «безбожные соседи», так называла их мать. Но если в Его существовании парень сомневался, то в чертовщину, что творится в этих краях, он «свято верил».

Мишу сильно удивил вопрос Сони про силуэт в капюшоне. Он не хотел рассказывать всю историю целиком, лишь малую часть, чтобы не сильно беспокоить Соню. Иногда он являлся детям и ничего хорошего это явление не приносило. Полиция спихивала пропажу детей на неосторожные игры у болот. За последние двадцать лет в них сгинули четыре девочки. Оно и понятно, не каждый взрослый может выбраться из трясины, а тут девочка-подросток. Но ходили слухи, что перед пропажей они видели человека в капюшоне. Мальчикам же она являлась в образе старухи или, чего хуже, русалки, но никогда не забирала в болота.

Для взрослых всё это казалось мифом, выдумкой, которую воссоздал детский разум, но они всё равно не упускали случая припугнуть малышей страшной ведьмой, когда ребёнок плохо себя вёл.

Миша и сам начинал думать, что всё произошедшее с ним – плод травмированного пропажей отца детского воображения. К тому же это было в глубоком детстве, на грани осознания самой жизни. Он не хотел уточнять у Сони, откуда она знает. Надеялся, что просто где-то мельком услышала байку у себя в Сокиловке, ведь большинство детей пропало именно оттуда.

Тётя Тоня как ни в чем не бывало копошилась в огороде, словно не было бури, что грохотала час назад.

Вот и дом. Казалось, что ни на йоту не изменился за все шестнадцать лет, что он тут живёт. Было подозрение, что его таким и построили – подгнившим, с перекошенными стенами и крышей.

Из трубы валил дым. Даже в жаркое лето мать топила печь, несмотря на скудный запас дров. Миша с грустью смотрел на полупустой дровник, догадываясь, что вместо летних каникул ему придется в полсмены работать на лесопилке.

«Такая вот судьба – работать за дрова».

Миша обошёл лужу на тропинке и ступил на порог. По привычке пригнувшись, чтобы не задеть головой низкий дверной косяк, он попытался на цыпочках проскочить мимо кухни в

комнату, чтобы его не донимала мать. Галина Петровна гремела у раковины кастрюлей – что-то готовила.

– И как ты мне всё это объяснишь? – женщина даже не обернулась.

Прокрасться не получилось. Миша задел занавеску в дверном проёме, отделявшую коридор от кухни, от чего зазвенел колокольчик, висевший на ней.

Миша не хотел ничего объяснять, он думал о том, как закрыться в комнате и написать Соне. Распогодилось, поэтому он надеялся, что интернет будет работать.

– Я тебя спрашиваю? – женщина с грозным видом повернула голову. Она как всегда говорила тихо, как говорится, боялась разбудить «Лихо», но с таким холодом в голосе, что даже Герде бы не удалось растопить лёд. Эта манера общения Мишу сильно раздражала.

– Я не хочу разговаривать, – стиснув зубы ответил он.

– Мне всё равно, что чего ты там хочешь. Отвечай на вопрос.

– Я уже говорил, мы играли в карты. Чего ты пристаёшь?

– Ты как с матерью разговариваешь? Я тебя ради этого растила? Чтобы ты мне грубил?

– А ты меня для этого рожала? Чтобы запрещать мне всё, что только возможно? Я уже взрослый, сам могу решать, чем мне заниматься по жизни.

– Не можешь! Пока тебе не исполнится восемнадцать лет, ты полностью на моём обеспечении.

– Поэтому ты меня работать отправляешь вместо учёбы?

– Ты хоть делом займёшься, бездельник. Так и просидишь всё лето, так хоть семье поможешь. Сам же знаешь, как у нас с деньгами! – голос всё повышался и почти перешёл на крик.

– Раз я иду работать, то сам решаю, чем заниматься в свободное время. Хочу на картах гадаю, хочу пиво с пацанами пью.

– Так всё-таки эта ведьма тебе гадала... – вздохнула Галина Петровна и начала читать шепотом молитву.

– Мама, успокойся, я оговорился, ну мам, – Миша понимал, что это бесполезно, и стал ждать.

После того как молитва закончилась, она перекрестилась, перекрестила сына и сказала:

– Если я ещё раз её тут увижу, то...

– И что ты ей сделаешь? Волосы ей вырвешь? Глаза выцарапаешь? На костре сожжешь? Это же так по православному, мама. Тебя этому в церкви учат? – Мишу настолько это достало, что он не смог сдерживаться. – Да плевал я на твою церковь и на твоего Бога, и на то, что он там запрещает. Не говори больше со мной, не лезь ко мне, дай спокойно жить!

Миша хлопнул дверью так сильно, что дом словно заходил ходуном. Несколько дней можно прожить в тишине, но потом она снова начнёт как ни в чем не бывало. Не это, так другое. Парень сбросил подмокшие вещи на спинку стула и включил компьютер. У него было полчаса на интернет до того, как надо будет нарубить дров. Если он этого не сделает, то не сделает никто. А мёрзнуть ночью в сырой избе не хотелось.

Интернет, как назло, не работал. Всё зависело от того, как хорошо ловил «Билайн». Ближайшая вышка была в Сокиловке и часто не добивала до деревни из-за плохой погоды. Ни о каких фильмах, конечно, речи тут и не шло. 350 рублей за месяц и 3 гигабайта интернета. Едва удавалось отвечать на сообщения во «ВКонтакте» и искать информацию в «Википедии» для докладов и рефератов. Частенько в последние дни месяца он оставался без интернета и просто шлялся по деревне взад-вперед.

За окном всё ещё капало, но так как дел не было, Миша решил закончить с дровами пораньше. Он накинул дождевик и пошёл в сарай за колуном. Из дровника, представляющим из себя небольшой натянутый тент метр на метр, где лежали брёвна, он перетаскал несколько берёзовых полешек и сложил у большого дубового пня-колоды.

Миша умел рубить. В один удар полено раскалывалось пополам, ещё два – и четвертинки летели на тканевую переноску для дров. Работа не пыльная, главное, делать её каждый день.

Убрал колун обратно, Миша схватил переноску и потащил её в дом к печке. Там аккуратно сложил дрова друг на друга в небольшом проёме между стеной и печью так, чтобы они не сваливались. Мать любила поддерживать тепло даже летом, поэтому того, что он принёс, хватало всего на один день, а больше в дом и не влезало.

Время близилось к ужину, а интернет так и не дали. Ему настолько нетерпелось написать Соне, что пропал аппетит. Когда мать несколько раз постучала в дверь, приглашая к ужину, он нехотя вышел и сел за стол. Мать уже разлила суп по тарелкам и сидела, повернувшись к красному уголку.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Мать трижды повторяла эту молитвы от трапезы к трапезе, изо дня в день. Миша и сам когда-то повторял за ней, но теперь угрюмо молчал и ждал, когда можно начать есть. Он поскрёб ложкой по дну, выловил несколько крупных овощей и отодвинул тарелку от себя. Мать с упреком посмотрела на сына, но ничего не сказала. Дневная ссора была не забыта.

Из комнаты раздалось оповещение от Mail.ru. Значит, появился интернет. Миша выскочил из-за стола и, чтобы не терять ни секунды, побежал в комнату. Сообщения в «Мейле» его совсем не интересовали, он тут же зашел на свою страницу в «ВК».

Соня была онлайн, и он тут же отправил ей сообщение:

Миша: Соня привет, как дошла?

Соня: Да нормально, как у тебя дела? Мать не сильно ругалась?

Миша: Да не, я ей всё объяснил, ты же знаешь, она верующая, попы промыли мозги, вот она так и сказала. Ты же не обиделась на неё?

Соня: В школе меня и похуже называют, так что нет.

Разговор не клеился. В сети она всегда была суха. Но как только речь зашла о ведьме, Соня сразу разговорилась.

Соня: А ты всё-таки был на том острове?

Миша: Один раз, плавали с пацанами ещё в детстве.

Соня: А дом ты видел? Хижину, где эта старуха живёт?

Миша: Мельком, а чего ты хочешь?

Соня: Я тоже хочу посмотреть, отведи меня туда.

Миша: Ты чего? Там же опасно, ведьмы, чертовщина всякая!

Соня: Ты же сам сказал, что тебе это показалось!

Миша: Ну это было давно, может и нет.

Соня: Ты серьезно? Давай я подругу позову, если ты так боишься идти.

Миша: Да я не боюсь!

Соня: Тогда договорились, у меня выходные заняты, можно во вторник, там прогноз без дождя.

Миша: Хорошо, уговорила.

Соня: В понедельник ещё обсудим, что с собой взять.

Идея показалась Мише совсем отстойной, но спорить с Соней он даже не пробовал. С другой стороны, лишний повод увидеть её после школы.

Старые сны уже давно не тревожили Мишу. После той «встречи» на озере, несколько лет ему снились кошмары, которых он не помнил. Мать рассказывала, что он просыпался глубокой ночью, с открытыми глазами тыкал пальцем в потолок и неистово мычал на протяжении

нескольких часов. Потом сам успокаивался и ложился спать. Наутро же как ни в чем не бывало просыпался и ничего из ночных походов не помнил.

Но когда мать связала эти сны с дьявольскими проделками, то решила пригласить священника. Тот, хмурясь, обошёл весь дом и наказал молиться Господу ежечасно на протяжении недели, перекрестил мальчика святой водой и поспешил из дома. Через неделю кошмары прошли.

После этого мать ударилась в религию, стала ходить в церковь по воскресеньям и таскать с собой мальчика. Миша тоже был рад, что кошмары закончились. Хоть он их и не помнил, но видел страх в глазах матери, а это пугало сильнее любых чудищ.

Спустя десять лет это казалось ему фантазией, может быть, какой-то странной попыткой матери привязать его к себе. Как ни пытался, он не вспомнил ни одного фрагмента тех снов. Возможно, мать действительно всё выдумала.

Облокотившись на кресле, он начал прикидывать маршрут. От города придется идти через кладбище, по старой дороге к северу от озера. Лодку он «одолжит» у соседа, деда Ефимия. Тот всё равно уже как пять лет никуда не ходит, на кой черт ему эта лодка. Дальше придется двигаться наугад, но он точно помнил, земля там твёрдая – не провалятся.

Миша представил, как он помогает Соне забраться в лодку, как она оступается и падает ему в объятия. Он обернулся, посмотрел на дверь. «Мать не придёт, мы же поругались». Бесшумно расстегнув ремень на джинсах, он засунул руку в трусы. День был тяжелый, надо было выпустить пар.

3. 18 мая 2013 года

Родителей не было дома. На небольшом столе в комнате стояла дешёвая бутылка водки и шесть банок с энергетиками от «РусСоды». Чистоганом девочки пить не могли.

– Катя, что за повод?

– Ты же вчера с мальчиком погуляла, сейчас всё нам и расскажешь! – засмеялась девочка с окрашенными в голубой волосами. – А ещё, – она развела руки в сторону, – у меня сегодня именины! Не смотрите на меня так. Бабка позвонила и поздравила, а я прикинула, почему бы не отметить, праздник-то какой! Я тут, кстати, погуглила, у меня четырнадцать именин в году, это на четырнадцать официальных поводов бухать больше. Но сегодня, это так. Рассказывай давай! – девушка посмотрела на Соню.

– Эй, вообще-то это личное, – запротестовала та.

– Да ладно тебе, – хихикнула третья, – нам же интересно. Он уже предложил встречаться? Соня лишь махнула рукой.

– Включи лучше на фон что-нибудь грустное. Давай Tokio Hotel.

Катя нажала кнопку на компьютере, и тот равномерно загудел.

– Не понимаю, как ты с ним вообще куда-то пошла. Он же тебе не нравится. Ты же мне сама жаловалась. Влюбилась всё-таки?

Соня отмалчивалась, смотрела, как Катя не спеша взяла бутылку и начала отвинчивать крышку.

– Один к трём?

– Давай меньше, хочу кое-что попробовать, – ответила Соня.

– Что у тебя? – Удивилась Катя.

– Хочу с нейролептиками смешать. Говорят, от них штырит.

«Стоп-стоп-стоп, – заворчала Матушка, – ты совсем сдурела?»

– Даже Матушка против, – улыбнулась Соня.

– Тебя откачивать не придётся?

– Не знаю... – задумалась девушка. – Но попробовать хочу.

– Тогда и нам отсыпь пару таблеток, – сказала третья.

Не думаю, что они дадут вам такой эффект, – сухо ответила Соня. Она недолюбливала Юлю, хотя и понимала, что это лучшая подруга Кати. Ни одни посиделки не проходили без неё. Отчасти Соня ей завидовала. Имея такую непривлекательную внешность (маленький иуда ласково её называл Слониха Крысомордова), она пользовалась успехом у парней. Соня подозревала, что из-за легкодоступности.

– Ну не может быть, что ты одна такая особенная со своими голосами, – закатила глазки Юля.

«Вот сука какая», – отозвался маленький иуда

– Девочки не ссорьтесь, водка у меня, – смеясь, ответила им Катя и разлила «Беленькую» по стаканам.

– Родители точно не придут?

– Точно, уехали в гости на дачу к друзьям – у них отпуск, так что до завтрашнего вечера точно никого. Они там так обычно набухиваются, что только после обеда просыпаются. Надеюсь, они там всю неделю просидят, надоели предки.

– Так, Соня. Ты у нас тут последняя девочка осталась, поэтому с тебя тост, – распорядилась Юля.

«Ты-то может и девочка, а она ебётся как кошка с седьмого класса, выколоть бы ей глаза... – Матушка явно была не в восторге. – И всё-таки с таблетками я бы не советовала.

Ты подумала, что будет с нами? Нейролептики с алкоголем... Я уверена, ничего хорошего не произойдёт».

«Боишься исчезнуть?»

«Милая, куда ты без меня, я ещё тебя переживу».

«Наоборот, кайфанем, подруга, не бойся, от одной таблетки нам ничего не будет, а вдруг ты сможешь нас увидеть?» – встрял маленький иуда.

«Заткнись, иудейская подстилка!» – парировала Матушка.

«Замолчите оба, мне тост нужно сказать».

– Не знаю, что сказать. У меня дома без тостов пьют, давайте просто чокнемся!

Соня подняла стакан и со звоном ударила о другие. Водка потекла рекой.

Из колонок на всю комнату играла песня Monsoon Tokyo Hotel. Девочки, слегка пьяненькие, сидели, обнявшись, и качались в такт песни, представляя, что они на концерте.

– И всё-таки старые песни лучше, те, которые на немецком, – авторитетно заявила Юля, – я за ними с 2006 года слежу, все видео на ютубе пересмотрела. Я – главная их фанатка в России!

– Да таких фанаток, тьфу ты. А я бы ему дала, жаль только, что он гей... – от грусти на лице Кати показалась слеза. – А ведь я могла попасть на их концерт три года назад...

– Они распались. Поезд ушёл. В интернете пишут, что Билл уехал в Нью-Йорк, – Юля вздохнула, – так и не увижу их живьём.

Юля начала разливать коктейли по стаканам, едва те опустели. Часть энергетика вылилась на пол.

– Не торопись ты так, – хихикнула Катя, – скоро мальчики придут, а ты уже в говно.

– Мальчики? – удивилась Соня. – Первый раз слышу.

– Да, из Всеволожска. Мы с ними в колледже учимся, обещали заехать.

Соню такой расклад не устраивал. Она надеялась спокойно отдохнуть в девичьем кругу, не волнуясь о том, как выглядит и что делает. Парни же полностью меняли дело.

– Кстати, они обещали привезти кое-что поинтереснее. Не думаю, что от твоих таблеток истории круче, чем от колёс. К тому же они угощают, – Юля была очень довольной.

Соня ещё ни разу не пробовала ничего мощнее алкоголя. Пассивное курение травки не в счёт. Катя несколько раз ей предлагала попробовать чего-нибудь нового, но на тот момент ей хватало и водки. Но сегодня она сомневалась. Соне хотелось новых ощущений. Катя частенько рассказывала ей о этих тусовках. Соне действительно хотелось оказаться в такой компании, где на неё не будут косо смотреть и смеяться. Школа осточертела. Хотелось новых знакомств и новых приключений.

– А давай, – улыбнулась она, – пусть тащат свои колёса. Сегодня суббота или что?

– Да-а-а, суббота! – хором подхватили девчонки.

– Давайте, за мальчиков и тусовки!

Стаканы зазвенели с новой силой.

– Ой, девочки, так много выпила, пойду посикаю, – Юля встала и пошатываясь побрела в сторону туалета, – не пейте без меня! – крикнула она, закрывая дверь.

Соня решила воспользоваться ситуацией.

– Слушай, Катя. Раз уж у нас немного поменялись планы, хочу сразу спросить. Ты слышала историю про ведьму, которая жила тут лет тридцать назад, в деревне.

– Ну так. Не уверена... – Катя почесала голову и призадумалась.

– В общем, вкратце дом тут есть, на болоте. Заброшенный. Говорят, там ведьма жила. Я знаю, ты любишь всякую мистику, заброшки и всё такое. Хочешь сходить с нами? Миша нам покажет. Я одна не хочу с ним идти, – Соня дернула головой в сторону туалета, не хотела, чтобы Юля услышала их разговор, ведь напросится же.

– А что твои голоса говорят?

– Говорят не ходить, поэтому и хочу! Только без неё, – кивнула Соня в сторону туалетной двери, – договорились?

– А давай пороемся, может, что интересное будет. Я не против.

– Тогда на буднях. Во вторник.

– Надеюсь, ведьма там больше не живёт, – улыбнулась Катя.

– Я тоже, – Соне было не до смеха.

– А слушай, давай ты погадаешь? Узнаем у карт, какое приключение нас ждёт.

– Ты чего! – возмутилась Соня. – Так нельзя, тем более я уже выпила. Карты не любят. Катя прищурила глаз.

– Ты сейчас серьезно мне говоришь? Давай доставай. Ты самая непослушная девчонка, которую я знала. Ты будешь слушать какие-то карты? Давай сделаем это. Это же наше приключение. Вдруг там что-то опасное, а так хоть будем знать.

Соня замаялась. С одной стороны, очень хотелось. Карты могли рассказать многое, и Соня была уверена, что сейчас они не соврнут. С другой стороны, она никогда не делала этого под алкоголем и не была уверена в помощи от маленького иуды.

– Чёрт с ним, – Соня пошла в коридор за сумкой. Голоса молчали, Соня не понимала из-за чего.

«Вы всё слышали?»

«Слышали», – отозвалась Матушка.

«И что думаете?» – Соне хотелось быть уверенной, что она не останется одна.

«Мне всё равно», – голос звучал слишком холодно.

«А ты? Маленький иуда?»

«Пьяный наказ – картам не указ»

«Информативно... Мне нужна будет твоя помощь, я хочу знать, если там со мной может что-то случиться».

«Помогу, чем смогу. Раскладывай», – голос маленького иуды звучал тоскливо. Вероятно, не очень приятно слушаться пьяных подростков с голосами в голове.

Юля уже вышла из туалета и о чем-то спорила с Катькой.

– Да я тебе говорю, он нормальный, ну не красавец, да, но трахается м-м-м...

– Не хочу я по пьяни! Если он начнёт приставать, я ему по яйцам дам! Так ему и передай.

– Да ты не сможешь, они же не с пустыми руками. Ой, Сонька, а что это ты принесла.

– Да мы с Катей собираемся кое-куда, – Соня многозначительно посмотрела на Катю, – и вот хочу расклад сделать, что нас ждёт в пути, – Соня рассказывала Юле про гадание, точнее, не она, сболтнула Катя, но сама ещё никогда при ней не гадала – стеснялась.

– О, как круто. Давай, я пока налью!

– Я пропущу, – ответила Соня.

– Разумеется, а то напьешься и перепутаешь жизнь со смертью, – Юлю так рассмешило собственное остроумие, что она залилась хохотом, разлив часть стопок на пол, а потом стала хрюкать.

Это отвлекало Соню. Она подождала, пока Юля успокоится, и попросила выключить музыку. Гадание должно проходить в тишине. Убедившись, что маленький иуда готов, Соня перемешала карты и выложила пять на стол.

Едва бросив взгляд на расклад, Соня поняла, что затея оказалась не из лучших.

– Я могу трактовать это по-простому, не углубляясь в суть, – сказала Соня девочкам, – чтобы не загружать вас кучей информации. В целом – расклад не очень.

– А по-моему, ты собрала стрит, – хихикнула Юля.

– Девятка означает болезнь, но рядом червовая масть. Ни у кого из вас нет мужей или детей?

– Упаси Господь, – игриво перекрестилась Юля и снова хихикнула.

– Дальше валет. Неприятный гость? – Соня мельком пробежала глазами по Юле. – Нет, он рядом с восьмёркой крестей. Неприятная беседа.

– Надеюсь не с ведьмой, – поёжилась Катя. Юля посмотрела на неё и удивленно подняла брови.

– Сама же восьмёрка означает важную встречу, от которой зависит судьба.

– А судьба это – дама пик... – эту фразу Катя произнесла шепотом.

– Рядом с крестями – злодейка, – Соня обнаружила, что сегодня на удивление легко даётся толкование. Маленький иуда ни разу не встретал.

– И десятка – крушение надежд, планов, всё, как мы любим.

– Это точно хорошее место? Такое ощущение, что вы собрались в ад.

– Надеюсь, виной всему алкоголь, и ты неправильно растолковала карты, – Катя сидела сама не своя.

Соня лишь пожимала плечами и собирала колоду.

– Я хочу выпить. Юля, налей-ка мне побольше.

– Ты хочешь всё выпить до прихода мальчиков?

– А у них своего не будет? – удивилась Соня.

– Будет, но мне кажется, они будут не слишком довольны, если мы уже будем в говно.

– Недовольны говоришь? Я уже встречала недовольных мальчиков. Такой горячий нрав.

– Расскажи, даже интересно.

– Извини, Юлечка, но это личное, – Тем не менее кадры из истории появились в голове, как бы Соня не хотела это вспоминать.

Восьмой класс. Учительница вышла из класса, оставив детей делать самостоятельную работу. Соня сидела за второй партой со Стасом Казарцевым, высоким худым парнем. Тест по физике был чрезвычайно сложным, Соня никогда не разбиралась в этом предмете достаточно хорошо и училась на тройки. Она получила первый вариант, у Стаса был второй. Её всегда казалось, что второй вариант легче, но Алла Борисовна будто специально рассаживала учени-

ков так, что её доставался первый. С самым простым заданием она справилась, подсмотрела у Стаса, благо они всегда решались по одной формуле, отличались лишь значения, но дальше было сложнее.

– Стас, – шепнула Соня, – посмотри, пожалуйста, как это делать?

Уже тогда Соню начинали сторониться. Припадки становились всё чаще и ярче. Стас искоса взглянул на неё, вздохнул и придвинулся, чтобы посмотреть задачу.

– Эй, любовнички! – раздался голос Лёши. И тут же в затылок они прилетел скомканный кусок бумажки.

Половина класса засмеялись, поддерживая хулиганов. Выдохнули, что в этот раз смеются не над ними.

Соня не отреагировала, а Стас отсел обратно. Держать нейтралитет было довольно сложно, и любое неаккуратное действие могло опустить его на дно к остальным. Соня понимала, но внутренний крик недовольства был слишком велик. Матушка уже затараторила проклятья, а маленький иуда мерзко кричал бранные слова.

Когда в голову прилетела ещё одна бумажка, Соня не выдержала. Девушка взяла учебник физики и швырнула в обидчика.

– Ты чё творишь, дура? Охренела? – воскликнул Лёша, едва увернувшись от тяжелой книги. – Это не я кидал!

– Я знаю, что ты! Ещё раз в меня что-нибудь кинешь, получишь!

– А ну иди сюда, сука.

Лёша встал. В четырнадцать лет он уже был под метр девяносто и почти на две головы выше Сони.

– Что, девочек собрался бить? – ухмыльнулась Соня. Одноклассники могли смеяться, кидаться, даже испортить что-то, но руку никогда не поднимали. – Не удивлюсь, если тебя этому папаша научил. Тоже мать твою бьёт? А может и тебя?

Щёки налились краской, Лёша сжал кулаки и быстро подошёл к девушке. Парень грубо взял её за шиворот и выволок к доске. Соня слышала треск ткани. Порвалась блузка под мышкой. Соня попыталась схватить его за руку и поцарапать, но он здоровой рукой перехватил её и толкнул на пол.

– Извиняйся, сука! Перед всем классом! – заревел он.

Лёша действительно был разъярён. Лицо стало бордовым, и на коже стал виден подростковый пушок. Он сжал кулаки и стоял, слегка нависший, над Соней. Краем глаза она заметила, что несколько из его друзей достали телефоны.

«Ну, уж на камеру он точно не будет меня бить».

Только успела подумать Соня, как получила удар ногой в живот. Лёша любил играть в футбол, он был нападающим и часто тренировал удары. Если бы вместо живота был бы мяч, то он бы залетел прямо в «девятку».

У Сони перехватило дыхание. А острая боль прокатилось от желудка к мозгу.

– Встань и извинись, сука! Никогда не говори так про моих родителей! Ты поняла?

Лёша одной рукой взял за плечо, а второй за волосы и грубо поставил на ноги. Соня стояла согнувшись пополам. Живот сильно болел. Дыхания еле хватало. Но злость была такая сильная, что заглушала страх.

– Чтоб ты сдох, урод, – шептала Соня, – я убью тебя.

Соня схватила его руку и сильно укусила. До крови. Соня чувствовала, как по губам медленно расплзается теплая кровь. В ушах стоял дикий вопль парня, затем глухой удар от которого потемнело в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.